

КРУГ ЧТЕНИЯ ДВОРЯНКИ И ФОРМИРОВАНИЕ КУЛЬТУРЫ ПИСЬМА В РОССИИ XVIII ВЕКА

Анна Улюра

В статье рассмотрена специфика формирования феномена женщины-читательницы в русской культуре XVIII в., определено значение понятия “женская библиотека” относительно европейской культуры того времени, обозначен круг чтения дворянки и его связь со становлением культуры письма в России Нового времени и мировосприятием русской женщины послепетровского периода.

Ключевые слова: женская библиотека, культура письма, развлекательная литература, роман, XVIII век.

В статті проаналізовано специфіку формування феномену жінки-читачки в російській культурі XVIII ст., визначено дефініцію поняття “жіноча бібліотека” відносно тогочасної європейської культури, окреслено коло читацьких уподобань дворянки і його зв'язок зі становленням культури письма в новочасній Росії і світосприйняттям російської жінки післяпетровського періоду.

Ключові слова: жіноча бібліотека, культура письма, розважальна література, роман, XVIII століття.

The subject of consideration is the specificity of formation of the “female reader” phenomenon in the 18th cent. Russian culture, the meaning of the “woman's library” is defined concerning the European culture of that period, a noblewoman's circle of reading and its connection to the becoming of the writing culture in the Modern time Russia and to the perception of the world by the Russian woman of post-Petrovian period is marked.

Key words: Woman's library, writing culture, entertaining literature, novel, 18th cent

Понятие “женская библиотека” начинает формироваться в европейской культуре конца XVII и в русской второй половины XVIII века. Связано оно, прежде всего, с четким разделением классицистической литературы на авторитетную государственную печать и камерную развлекательную литературу. Как отмечает Ю.М.Лотман, русскую литературу Нового времени разделяет черта, по одну сторону которой оказывалась высокоавторитетная государственная печать, по другую – литература художественная, литература как безвредная забава [4с.210]. Основным потребителем (а затем и создателем) развлекательной литературы и становится женщина. Недаром, классифицировав сочинения писательниц XVIII века по тематическому признаку, украинский библиограф С.И.Пономарев отмечает, что “писательницы наши посвящали свои силы преимущественно беллетристике, педагогике и переводам”[2]. Причина подобной “стратификации интересов” русских сочинительниц очевидна: детская, ведение дома и “наука страсти нежной” – наиболее актуальные для женщины галантного века области знания. Да и элементарная нехватка учебных пособий приводила образованную мать к необходимости принятия на себя функции переводчика и классного наставника для своих детей (именно таков был путь в литературу княгини А.Меншиковой, переведившей “во время классов со своими детьми, чтобы не быть и самой в праздности”[3]). А между тем, русская женщина-писательница, вдохновленная М.Карамзиным и Н.Новиковым, начинает создавать свою уникальную женскую библиотеку, где “мир чувств, мир детской и хозяйства, “женский мир” становится более духовным”[1,с.211].

Нельзя не выделить несомненно большую начитанность русской дворянки XVIII века. Вспомним лишь ту гордость, с какой в мемуарах сообщает читателю Екатерина Романовна Дашкова о своей библиотеке – собрание книг юной княгини насчитывало девятьсот томов. Не случайны и обращения старых авторов к “любезным читательницам”: можно с уверенностью сказать, что долгое время книга в России гораздо чаще встречалась в руках женщин, нежели мужчин (недаром именно книга становится неизменным атрибутом женских портретов второй половины века. Например, известен портрет “Дама в саду”, предположительно работы А.-Ф.Виллолле первой половины 1790-х годов. Женщина на картине привычно держит в руках книгу, которая стала неперенным атрибутом изображения. Вполне естественно выглядит книга в руках смолянки Молчановой на портрете кисти Д.Г.Левицкого). Знание европейских книжных новинок (чаще всего, конечно, романтических новелл и знаменитых “старинных, скучных, длинных” романов) отмечает в русской дворянке новой формации и иностранные мемуаристы: “Женщины ушли далее мужчин на пути совершенствования. В обществе можно было встретить много нарядных дам, девиц, замечательных красотою, говоривших на четырех и пяти языках, умевших играть на разных инструментах и знакомых с творениями известнейших романистов Франции, Италии и Англии”[4].

Не считая наличия элементарной грамотности (на что направлены, помимо прочего, и многочисленные императорские указы), для дворянской девушки XVIII века умение говорить и писать модно и грамотно (и отнюдь не всегда одно подразумевало другое) было неотъемлемой частью великосветского образа “социально активной” женщины. Умение вести беседу на равных и с членом императорской семьи, и с простолюдином входило в обязательную программу обучения дворянской девочки. Оценивая женский

характер, его недостатки и добродетели, многие мемуаристы не случайно выделяли способности описываемых ими женщин быть приятными собеседницами. Англичанка леди Рондо, например, дает одному из женских персонажей своих заметок такую характеристику: “ее разговор может нравиться и принцессе, и жене торговца, и каждая из них будет удовлетворена беседой”[5]. Благоприобретенному умению плетения словес (зачастую на европейский манер) нередко придавался и сакральный смысл: насыщенный аллегориями язык масонов, вызывавший недоумение и страх, жаргон щеголих и петиметров, отражавшийся в сатирической литературой смехом и презрением, маркировали собеседников как принадлежащих к одной социально-культурной среде. Одновременно за поощрением умения говорить по-новому в русскую культуру приходит и высокая оценка умения писать по-европейски. Недаром первое издание популярнейших, переведенных с немецкого “Прикладов, како пишутся комплименты разные” было осуществлено уже в 1708 году. “Кумплементарная” книга давала читателям готовые образцы эпистолярного стиля, помогая найти нужные формулировки при переписке “потентатов к потентатам, поздравительной и сожальной, також между сродственниками и приятелей”. Следы активного применения этого своеобразного пособия легко обнаруживаются как в переписке “гениев твоих столетья”, так и в художественной литературе петровского времени (например, “Гистории об Александре”). Эпистолярная культура в России XVIII века стала первым этапом формирования культуры письма, окончательно сложившейся в начале XIX века. Частной переписке, уже широко распространенной к концу “века богатырей”, доверяют практически все нюансы межличностного общения, что выражается, в частности, в появлении типа “дружеского письма”. Сама манера письма становится неотъемлемой характеристикой человека – по специфике начертания букв судят о культурных идеалах пишущего, об эпохе, к которой он/она принадлежит; графические изыски, игра формой букв наполняются особым тайным смыслом. То, что “навык письма становится массовым, чрезвычайно распространенным во всех слоях общества”[6], позволяет говорить о начале русской пишущей публики, ориентированной на европейские образцы.

В свете гипотезы Ю.М.Лотмана о литературе XVIII века как источнике типов и форм поведения в реальной жизни [7] изящная словесность этого периода диктует действительности правила, требующие неукоснительного выполнения. Более всего эта тенденция сопряжена с жизнью русской женщины, менее, чем мужчина, связанной с литературой официальной направленности.

Начало 1760-х годов характеризуется в истории русской литературы появлением нового прозаического романного жанра. Роман, правда, на первых порах переводной, становится заметным явлением литературной жизни и камнем преткновения “распутного общества” и поборников суровой “дедовской” морали. А.Е.Лабзина отразила в мемуарах весьма своеобразную систему воспитания, употребленную по отношению к ней “российским Омиром” М.М.Херасковым. Одним из условий становления неокрепшей духовности девушки стало табу на чтение романов. “Опасайся читать романы: они тебе не принесут пользы, а вред сделать могут” [8] – такова была воспитательная установка известного и весьма прогрессивного в свое время просветителя. В этом же русле в комедии И.А.Крылова “Пирог” рельефно изображен образ “старушки, притворной скромницы, которая с ума сошла на романах”. Приговор госпоже Ужиге и подобным ей почитательницам изящной словесности однозначен: “Экая на старости лет тебе в голову дичь лезет! А это все твои романы. Я давно знал, что ты когда-нибудь с ума от них сойдешь” [9]. А ведь речь идет о “до-сентименталистской” прозе, полной дидактизма и прозрачных душеспасительных аллегорий, том самом “нравоучительном романе”, жанро-морализаторские особенности которого весьма метко и иронично подмечены А.С.Пушкиным в “Евгении Онегине”:

Питая жар чистейшей страсти,
Всегда восторженный герой
Готов был жертвовать собой,
И при конце последней части
Всегда наказан был порок,
Добру достойный был венок[10].

А.П.Сумароков в 1759 году публикует перекликающуюся с высказыванием М.М.Хераскова статью “О чтении романов”, в которой с раздраженной язвительностью указывает: “Романов столько умножилось, что из них можно составить половину библиотеки целого света. Пользы от них мало, а вреда много. Говорят о них, что они умеряют скуку и сокращают время, то есть век наш, который и без того краток. Чтение романов не может называться препровождением времени; оно – погубление времени” [11,с.374].

Своеобразным манифестом в защиту новорожденного жанра стало теперь уже почти хрестоматийное предисловие Семена Порошина к переложению на русский язык романа аббата А.Превю: “Чтение разумно написанных романов отвергать и опорачивать ни малой нет причины: изображаются в них нравы человеческие, добродетели их и немощи;...и между целью наистройнейшим порядком совокупленных приключений наставления к добродетели полагаются. На толь препохвальном основании и с толь добрым намерением расположенное сочинение хулы ль нашей достойно?” [11,с.208-209].

Впрочем, вопреки стараниям идейных соперников, рассчитанный по преимуществу для женского читательского круга роман полюбился российским женам и сравнительно легко прижился на новой северной почве. Типография Сухопутного шляхетного корпуса в 1760-1764 годах в невиданном дотоле в России количестве печатает сии сочинения в переложении корпусных литераторов. Показателен самим фактом своего появления переводной “развлекательный” роман Натальи Алексеевны Нееловой (в замужестве Макаровой) “Лейнард и Термилия, или Злощастная судьба двух любовников” (1784).

Произведение это, ничем не выделяющееся ни в содержательном плане, ни в плане композиционном, прочно утвердилось в русской литературе, считал Н.И.Новиков, своим уровнем “приближения к лучшим изменениям в языке”. Переводы Марьи Григорьевны Орловой (в замужестве Мосоловой) романа “Аббатство, или Замок Борфордской” (1788; “английское сочинение, переложенное с французского языка”), Елизаветы Корнильевны Ниловой романов “Граф Вальмот, или Заблуждения рассудка” (1793; с французского) и “Приключения Эдуарда Вальсона” (1790; с немецкого), а также переложение княгиней Варварой Васильевной Голицыной (урожденной Энгельгардт) романа “Заблуждение от любви, или Письма от Фанелии и Мальфорта” (1790; сочинение пр. М-me ***, В. Imbert) были изданы в Тамбове, в бытность там губернатором Гавриила Романовича Державина. Издавались и переводились романы диаметрально противоположные и по своему содержанию, и по своему художественному уровню. Рядом с “Путешествием из Петербурга в Москву” и “Инками” мирно существовали романы в духе “Лабиринтов женского коварства”. Попадая в руки читательницам “России молодой”, эти романские новинки имели очевидное (но отнюдь не равное) влияние на формирование мировоззрения дам, куртуазной специфики их поведения.

Литература:

1. Лотман Ю.М. Очерки по истории русской культуры XVIII – начала XIX века // Из истории русской культуры.– Т. IV.– М., 2000.
2. Пономарев С.И. Наши писательницы. – СПб., 1891. – С. 12.
3. Макаров М.Н. Материалы для истории русских женщин-авторов // Дамский журнал.– 1830. – Ч.29. – №10.– С. 147–148.
4. Сегюр Л.Ф. Пять лет в России при Екатерине Великой. Записки графа Сегюра (1785–1789) // Русский архив. – 1907. – Кн. 3 – С. 43.
5. Письма леди Рондо. – СПб., 1871. – С. 127.
6. Белоконь Е.А. Развитие русского письма в конце XVIII – первой четверти XIX в. Автореф. дис ... к.и.н. – М.. 1988. – С. 10.
7. Лотман Ю.М. Беседы о русской литературе. Быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.). – СПб., 1997.– С. 54-74.
8. Воспоминания А.Е.Лабзиной. – СПб., 1914. – С. 58.
9. Крылов И.А. Сочинения: В 2 т. – Т.1. – М., 1956. – С. 302; 313.
10. Пушкин А.С. Собр. соч.: В 6 т. – М., 1950. – Т. 3. – С. 78; 52-53.
11. Цит. по: Серман И.З. “Ученая шайка” Ф.Эмина // XVIII век.– Сб.3.– М.-Л., 1958.